

МУХТАР АУЭЗОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ И ЛИТЕРАТУРНОЙ УЧЕБЫ

МУХТАР АУЭЗОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ И ЛИТЕРАТУРНОЙ УЧЕБЫ

Какильбаева Энкар Толымхановна

к. фил. н., доцент КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, респ. Казахстан

E-mail: inkar.kakil@mail.ru

В казахской литературе нет ни одного писателя, контактно-типологические связи которого с русской и мировой литературой были так широки и многообразны, как в творчестве Мухтара Омархановича Ауэзова. Связи творчества М. Ауэзова с произведениями А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Л. Толстого, И. Тургенева, А. Островского, Н. Чернышевского, Ф. Достоевского, А. Чехова общепризнанны. Причем эти связи носят преимущественно типологический характер. Связи его творчества с произведениями русских писателей советского периода носят больше контактный характер. Мухтар Ауэзов хорошо знал творчество М. Горького, Дмитрия Фурманова, рано ушедшего из жизни, дружил со многими русскими писателями советского периода – Всеволодом Ивановым, Николаем Ановым, Александром Фадеевым, Ильей Сельвинским, Юрием Тыняновым, Николаем Погодиным, Михаилом Шолоховым, Леонидом Соболевым, Всеволодом Рождественским, Николаем Тихоновым, Анной Никольской, Константином Алтайским, Алексеем Толстым и многими другими.

Одним из любимых его русских классиков, несомненно, был А.С. Пушкин. Неслучайно, первая публикация в 1936 году из начатого романа об Абае называлась «Как Татьяна запела в степи» и вновь обратила внимание современников на творчество и личность запрещенного в двадцатые годы казахского поэта Абая. Первым литературным опытом М. Ауэзова было школьное сочинение «Ураган», в котором он описал, как степной вихрь унес юрту его матери. Не только детские впечатления легли в основу этого сочинения, но пушкинская «Капитанская дочка», в которой описывается буря в степи. Позже Ауэзов мастерски разворачивает их в грандиозную картину бурана и джута в эпизодах, связанных с гибелью Исы, во втором томе романа-эпопеи «Путь Абая».

М. Ауэзов испытал также благотворное влияние и М.Ю. Лермонтова, об этом говорят его заметки, свидетельствующие о его внимательном прочтении этого писателя. Во время работы над образом Абая, переводившего Лермонтова, Ауэзов воссоздает ту творческую атмосферу, которая царила в Жидебае, в юрте Абая, в его окружении, показывает Абая, воодушевленного «Вадимом» и лирикой Лермонтова. Психологический анализ Ауэзова, мастерство создания конфликтов, приемы раскрытия внутреннего мира героев, внутренние монологи говорят о творческом освоении Ауэзовым опыта лермонтовской психологической прозы. Некоторые казахские исследователи проводят параллели между Печориным и героями М. Ауэзова: Абиш, сын Абая, во многом напоминает как Печорина, так и самого Лермонтова, есть аналогии в образах и судьбах самого Абая и Магавьи с героями Лермонтова.

Еще один писатель, оказавший влияние на творческую манеру Ауэзова, – Ф.М. Достоевский. Он признавался, что в конфликте Абая и Кунанбая нашел пружину для развертывания эпизодов последующих глав в романах Достоевского и Тургенева: «Я вспомнил о Федоре Карамазове и его детях, о тургеневских отцах и детях» [1, с. 245]. М. Ауэзов, обычно очень скупой на указания о связях своих произведений с какими-либо источниками, здесь упоминает сразу двух русских писателей. К Достоевскому у Ауэзова было особое отношение. Он специально занимался проблемой взаимоотношений Ф. Достоевского и Ч. Валиханова. Павел Косенко в романе «Иртыш и Нева», рассказывая о дружбе этих двух великих людей, ссылается на М. Ауэзова. Современные исследователи пытаются провести параллели между Газизой из «Сиротской доли» Ауэзова и Сонечкой Мармеладовой

Достоевского, которые, по их мнению, схожи и портретно, и по трагическому накалу, и по трудной женской доле.

О другом писателе и его роли в творчестве Ауэзова упоминает Иосиф Брагинский, видный ученый-востоковед, который встречался с Ауэзовым в конце пятидесятых годов и записал следующий разговор: «Вот будете, возможно, и вы писать о влиянии, которое оказала на меня русская литература, огромное, ни с чем не сравнимое влияние. Но каков его характер, как оно проявляется? Назовите, конечно, М. Горького, назовите Л. Толстого. Это тоже верно. Но знаете ли вы, кто оказал на меня самое большое влияние? Не догадаетесь! Тургенев. Вы не смотрите, что на поверхности, может быть, этого влияния и не видно. Литературное влияние - это не простая вещь, его только упрощенцы думают руками схватить и показать, смешивая влияние и подражание. Творческое влияние происходит где-то в глубине, проникает в самую душу писателя, делается его второй природой и проявляется как-то по-своему, по-особому, не всегда заметно для невооруженного взгляда. Вот так и Тургенев, а ведь его-то я больше всех и любил смолodu» [2, с. 265]. Когда говорят о влиянии Тургенева на творчество М. Ауэзова, то в первую очередь упоминают типологическую общность сострадательного гуманизма Тургенева и М. Ауэзова, сопоставляют тургеневскую историю о Герасиме с эпизодами о батраке Исе и его смерти в эпопее М. Ауэзова. Несомненно влияние Тургенева-пейзажиста на «Степные картины» М. Ауэзова, которые родились не без участия «Записок охотника», функции пейзажа в «Пути Абая» имеют типологически схожие черты с тургеневскими описаниями природы в его романах. Еще одно сходство на типологическом уровне можно обнаружить в поэтике Тургенева и Ауэзова, сопоставив тип тургеневских девушек с ауэзовскими женскими образами.

Таковым же глубинным является влияние на него Л.Н. Толстого. Он слышал это имя от деда Ауэза, а позже, будучи семинаристом, пересказывал деду толстовского «Хаджи-Мурата». Многие мотивы повести «Караш-караш» («Выстрел на перевале») навеяны кавказскими повестями Л. Толстого, в первую очередь, «Хаджи-Муратом». Не случайно, первый перевод, сделанный М. Ауэзовым в 1918 году, был рассказ Л.Н. Толстого «После бала». Но все же контактно-типологические связи творчества Л. Толстого и М. Ауэзова лучше всего обнаруживаются при сопоставлении «Войны и мира» и «Пути Абая». Жанрово-композиционные особенности, «диалектика души», соотношение исторического факта и художественного вымысла, философские концепции, сюжетные детали, отступления, пейзаж и его функции, национальное и интернациональное и др. – основные точки соприкосновения этих двух художников слова.

Говоря словами критика и литературоведа М. Каратаева: «Нет и не было ни одного казахского советского писателя, который не испытал на себе могучего горьковского влияния» [3, с. 93], можно рассмотреть вопросы влияния этого писателя на Мухтара Ауэзова. Казахские литературоведы отталкиваются от высказываний самого Ауэзова, так, Мухамеджан Каратаев пишет, что «...в 1959 году, М. Ауэзов, только что получивший Ленинскую премию, выступая перед студентами, заявил, что одним из важнейших факторов, влиявших на содержание эпопеи «Путь Абая», является давно изучаемое им творчество Горького. В частности, он указал, что образ Зере, бабушки Абая, осмыслен им под прямым влиянием образа бабушки Кашириной из «Детства» Горького» [4, с. 217]. Примерно так же аргументирует свои положения И.Х. Габдиров: «М. Ауэзов рисует облик юного Абая и бабушки Зере в плане горьковской трактовки», так же, как и Горький, Ауэзов подчеркивает страстное стремление, исключительный интерес своего героя к знанию и культуре «... подобно Горькому, Ауэзоволицетворяет природу [5, с. 93]. В работе З. Кедриной «Из живого источника» следует ссылка на «собственное признание художника» о непосредственном влиянии горьковского «Челкаша» на образ Бахтыгула из повести «Караш-Караш» и делается вывод, что «Ауэзов творчески освоил принципы типизации, свойственные молодому Горькому» [6, с. 369]. Е. Лизунова, обращаясь к этому же аргументу, цитирует книгу М. Ауэзова «Мысли разных лет»: «Из образно-сюжетных построений

Горького я помню в своей творческой практике огромное влияние повести «Челкаш» на обрисовку характера и социального окружения моего героя Бахтыгула из повести «Караш - Караш» [7, с. 15]. Следует упомянуть и о той роли, которую сыграл Горький в личной судьбе М. Ауэзова. Известно, что Горький был в курсе событий, происходящих в Казахстане 30-ых годов, он заступился перед властями за Мыржакыпа Дулатова и других представителей казахской интеллигенции. После выхода в свет пьесы «Хан Кене» в 1934 году над Мухтаром Ауэзовым сгустились тучи, снова могли быть неприятности, вплоть до ареста. Через Всеволода Иванова Горький узнал об обвинениях в адрес Ауэзова и помог избежать Ауэзову серьезных репрессий.

Показательна история с покаянным заявлением: в 1932 году М. Ауэзов вышел из тюрьмы, написав открытое письмо. В нем он признавался, что заслуженно считался «идеологом байства и алаш-ордынски настроенной интеллигенции». В какой-то степени можно провести параллели между судьбой Максима Горького, вернувшегося из эмиграции и как бы признавшего победу советской идеологии, и этим покаянным письмом Ауэзова, написанным ради сохранения себя в жизни и в литературе тех лет.

Известно, что Ауэзова привлекали писатели из литературных группировок 20-х годов, прежде всего ему импонировали идеи конструктивистов: поиски стиля эпохи, повышенное внимание к технико-организационным вопросам, поэтому он так тесно общался с И. Сельвинским, теоретиком группы К. Зелинским. Привлекали внимание М. Ауэзова и «Серрапионовы братья». Из их среды он был дружен с В. Ивановым. Естественно, его интересовали и увлекали поиски Ю. Тынянова в области биографического исторического романа. Ю. Домбровский говорит о влюбленности в стиль Ю. Тынянова в период работы над первым своим романом «Державин». Таково же было отношение к Тынянову и у Ауэзова, что не могло не сказаться на стиле его эпопеи.

Один из первых опытов в жанре романа-эпопеи был проделан в советское время А. Н. Толстым в эпопее «Хождение по мукам». Опыт А. Н. Толстого в создании нового прозаического жанра был, несомненно, учтен М. Ауэзовым при создании своей эпопеи. Обоих писателей сближает типологическое сходство в их романах: широкая панорама событий, выдвижение на первый план исторических, а не вымышленных героев; наличие хроникальных элементов в развитии сюжета, изображение судьбы не только отдельных героев, но и всего народа в целом.

Но более всего Ауэзов в процессе создания эпопеи об Абае опирался на опыт автора «Тихого Дона» М. А. Шолохова, хотя эпопея М. Ауэзова принципиально отличается от романа Шолохова тем, что она написана на историческом, а не на современном материале, во-вторых, она менее политизирована, в третьих, в центре романа М. Ауэзова реальное историческое лицо, символизирующее творческое созидательное начало и все лучшие качества народа. Все это свидетельствует о том, что Ауэзов творчески перерабатывает традиции русской реалистической классики, идущие от Л. Н. Толстого к Ю. Тынянову, А. Толстому и М. Шолохову, и создает национальную эпопею об исторической личности.

Как видим, русская литература была для Мухтара Ауэзова не просто школой. Она способствовала тому, чтобы в его главном труде – романе-эпопее «Путь Абая» творчески воссоединились традиции культур Запада и Востока.

Список литературы:

1. Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников. – Алма-Ата: Жазушы, 1972. – 369 с.
2. Брагинский И. С. Ученый-поэт // Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников. – Алма-Ата: Жазушы, 1972. – с. 263-269.
3. Каратаев М. К. Буревестник // Каратаев М. Свет русской культуры. – Алма-Ата: Казахстан, 1975. – с. 93-97.

4. Каратаев М.К. Классик казахской советской литературы //Каратаев М. Свет русской культуры. – Алма-Ата: Казахстан, 1975. – с. 215-221.
5. Габдиров И.Х. Русско-казахские литературные связи советской эпохи. – Алма-Ата: Наука, 1968. – 293 с.
6. Кедрина З.С. Мухтар Омарханович Ауэзов // Кедрина З. Из живого источника. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 280 с.
7. Лизунова Е.В. Современный казахский роман. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1964. – 360 с.